

С. А. Семячко

«...РУКА ПРАВАЯ ЛЕЖИТЬ НА ПЕРСЕХЪ СОГБЕННА,
ЯКО БЛАГОСЛОВЯЩАЯ...»
ЛЕГЕНДЫ О БЛАГОСЛОВЛЯЮЩЕЙ ДЕСНИЦЕ СВЯТОГО
В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ
СО СТАРООБРЯДЦАМИ

Резюме

В статье рассмотрена ранняя история культов свв. Анны Кашинской и Евфимия Архангелогородского, почитание которых началось в конце 40-х гг. XVII в. и получило новое наполнение после церковного раскола. В центре внимания автора статьи история возникновения легенд о том, что святые покоятся во гробе с десницей, являющей двуперстие. Материалом послужили агиографические сочинения, посвященные этим святым, акты, документы церковных соборов, иконографические памятники. На основании их анализа был сделан вывод об устном происхождении легенд в первое пореформенное время в среде противников никоновских реформ.

Ключевые слова: церковный раскол, почитание святых, Анна Кашинская, Евфимий Архангелогородский, устная легенда, двуперстие

"THE RIGHT HAND IS LYING ON THE CHEST,
AS IF BLESSING..."
LEGENDS OF THE BLESSING HAND OF A SAINT
IN THE CONTEXT OF THE STRUGGLE OF THE OFFICIAL
RUSSIAN CHURCH WITH THE OLD BELIEVERS

Abstract

The article examines the early history of Anna of Kashin and Euthymius of Arkhangelsk's cults. Their veneration began at the end of the 1640s and acquired new content several decades later, after the Russian Church schism. The author of the article focuses on the origin of the legends, according to which the saints rest in their tombs with fingers of their right hands positioned as if they were making a two-finger sign of the cross. The study is based on hagiographic texts dedicated to these saints, legislative acts, documents of church councils, and icons. The author comes to the conclusion that the legends had oral roots and originated among the opponents of Nikon's reforms in the early post-reform period.

Keywords: Russian Church schism, veneration of saints, Anna of Kashin, Euthymius of Arkhangelsk, oral legend, two-finger sign of the cross

DOI 10.31860/2712-7591-2020-4-51-69

Начало истории, о которой пойдет речь, традиционно относят к Смутному времени. Вопросы, справедливо ли это, коснемся чуть позже, сейчас же отметим, что поначалу все произошедшее никакого отношения к старообрядчеству не имело, да и сам раскол Церкви еще не произошел. Когда в обветшавшей Успенской церкви города Кашина обрушился помост, под которым обнаружился неизвестный гроб, проблемы сложения перстов еще не существовало. Клирики Успенской церкви стали фиксировать происходившие у новоявленной гробницы чудеса; чудесным было и явление покоившейся в этом гробу схимонахини, назвавшей себя княгиней Анной. О новоявленной чудотворице патриархом Иосифом было назначено следствие, в результате которого она была признана святой, а ее мощи было решено перенести из аварийной Успенской церкви в кашинский Воскресенский собор. Торжественное перенесение мощей, на котором присутствовал сам государь — царь Алексей Михайлович — со всем своим семейством, состоялось 12 июня 1650 г.

В нашем распоряжении находится сохранившийся в единственном списке текст, созданный вскоре после этого события. Текст этот называется «Обрѣтение и перенесение честных мощей новоявленных великия княгини-

иноки Анны, иже бѣ во градѣ Кашинѣ явльшейся, вкупѣ же от малѣйшия части и похвала святѣй». Судя по содержанию памятника и составу сборника, в котором он находится, этот текст был написан для царских сестер¹, то есть тех, кто был непосредственным свидетелем всего происходящего. Поэтому и дошел до нас всего лишь один список. Он хранился, вероятно, на женской половине царского дворца, с него не делалось никаких копий, а потом в составе библиотеки Петра I он переместился в Библиотеку Академии наук (БАН, П I.А.30, л. 232—240 об.)².

В этом тексте на удивление мало чудесного. Поэтично описывая сохранность мощей княгини-инокини («...мощи ея цѣлы и нетлѣнны обрѣтошася, токмо малы части взяты быша землею, свойствено убо есть земли еже своя взимати. Прочая же уды ея, яко бисерие драгое, в земли пребыша цѣлы и нетлѣнны, и не токмо же едины мощи не истлѣша, но и одѣяние иноческое, в няже оболчена и положена бысть, цѣло же и не истлѣ, всѣмъ зримо и видимо, и совершенное покрытие грѣховъ всѣмъ человѣком, еже есть схи́ма, цѣла же и неразрушима» [Круг, с. 442]), как на «чудо дивно и преславно» автор указывает на положение ее рук: «...яко у живы сущи, десница ея преподобныя стоитъ прямо во гробѣ, опершися лактемъ во дно гроба. Лѣвица же по обычаю пребываетъ на персѣхъ» [Круг, с. 442]. Собственно говоря, правая рука покойницы всего лишь сползла с груди и уперлась локтем во дно гроба. О сложении перстов не говорится ни слова.

Автор этого Сказания об обретении и перенесении мощей, как явствует из самого текста, был, скорее всего, москвичом, который написал его для своих, «московских», нужд. Кашинских проблем этот текст не решил. «...Приезжаютъ (...) во град Кашин ко гробу благовѣрные великие княгини

¹ Подробнее см. об этом: [Семячко 1997].

² Мы имеем все основания думать, что этот список практически современен описываемым событиям. Сборник, в составе которого он дошел до нас, имеет два описания, базирующиеся на датировке филиграней бумаги. О. В. Паченков выделил в рукописи пять водяных знаков (три варианта «голова шута», «герб семи провинций» и «агнец пасхальный»), датировав их временем от 1646 до 1656 г. [Паченков, с. 49, примеч. 10]. Не знакомая с его описанием И. Н. Лебедева предположила иную датировку кодекса — 70-е гг. XVII в. Она увидела лишь два водяных знака, один («герб семи провинций») — 1650 г., другой («голова шута») — 1685 г. Второй знак исследовательница увидела только «на листах у переплета» и связала составление кодекса с рождением младшей дочери царя Алексея Михайловича Феодоры в 1674 г., поскольку сборник открывается Житием Феодоры Александрийской [Лебедева, с. 56]. Датировка И. Н. Лебедевой не представляется убедительной. В любом случае текст Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской написан на листах с «гербом семи провинций» (1656 г. — по наблюдениям О. В. Паченкова, 1650 г. — по наблюдениям И. Н. Лебедевой). Когда бы он ни был соединен с другими текстами под одним переплетом, сам он написан спустя весьма незначительное время после перенесения мощей княгини Анны.

Анны многие богомолцы, а Жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нѣчего»³ — так описывал впоследствии сложившуюся ситуацию один из инициаторов почитания княгини Анны дьякон Никифор.

Тут надо сделать отступление и сказать, что движущей силой всей этой истории стала одна кашинская семья, самым непосредственным образом связанная с Успенской церковью: священник этой церкви Василий, при котором Анна Кашинская явилась пономарю Герасиму и объявила свое имя⁴; его сын священник Василий, принявший впоследствии монашество под именем Варлаам; два сына последнего, один — тоже священник и тоже Василий, и другой — Никифор, бывший дьяконом.

В 1652 г. дьякон Никифор был послан кашинцами в Соловецкий монастырь, с тем чтобы там найти какие-нибудь сведения о княгине Анне и написать ее житие. Никифор примкнул к свите новгородского митрополита Никона, отправившегося на Соловки за мощами митрополита Филиппа. В Соловецком монастыре проблема была разрешена. Впоследствии сам Никифор свидетельствовал: «А Житие ея слогаи и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорову, челобитью (...). А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слышал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрнаго великаго князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна. А Житие, де, еѣ слагали онѣ и писали по своему разуму и Степенной книги, и по ево, Никифоровым, словамъ, что он имъ про житие ея сказывал»⁵. Создание Жития, таким образом, относится к той поре, когда еще никто не подозревал, что русскую Церковь ждет великий

³ РНБ, собр. Погодина, № 1608 (далее — Погод. 1608), л. 16–16 об. Материалы следственного дела относительно святости Анны Кашинской и постановление церковного собора 1677 г. в копии, сделанной для одного из его участников — архимандрита Чудова монастыря Павла.

⁴ Начало почитания Анны Кашинской остается не до конца проясненным. О явлении княгини пономарю Герасиму стало известно со слов священника Василия (старшего), которого к моменту начала следствия уже не было в живых. В это время священником Успенской церкви был его внук Василий, до него (непонятно, с какого времени) «лѣтъ с трицать» (Погод. 1608, л. 10) [Круг, с. 650] служил отец Василия младшего и сын Василия старшего Василий-Варлаам. Василий же старший «служил преже ево лѣтъ с пятьдесятъ» (Погод. 1608, л. 10) [Круг, с. 650]. Когда Василий-Варлаам давал показания на следствии, он не мог назвать точной даты явления, сказал лишь, что дело было в Смутное время: «...в прошлом, де, году, а в котором, того не упомнит, в приход литовских людей, Кашин город был в осаде...» (Погод. 1608, л. 10) [Круг, с. 650]. Во всем этом поражает то обстоятельство, что все сведения исходят от членов одной семьи (Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, вошедшая в агиографический цикл, была написана со слов сына Василия-Варлаама дьякона Никифора [Семячко 1999, с. 227–229]). Пономаря Герасима не застали не только Никифор и Василий младший, но и, как кажется, Василий-Варлаам.

⁵ Погод. 1608, л. 16–16 об.

раскол. Но, вернувшись с Соловков, Никон становится патриархом, и начинается совсем другая эпоха.

Ранняя история почитания Анны Кашинской четко делится на два периода: дораскольный и пореформенный, когда русская церковь раскололась надвое. В пореформенный период культ Анны Кашинской стал приобретать новое наполнение. В течение примерно четверти века это не было заметно. Но в 1676 г. Василий младший пишет царю (уже царю Феодору Алексеевичу) письмо, с тем чтобы тот повелел мощи благоверной княгини Анны перенести обратно в Успенскую церковь, заново отстроенную⁶. К письму Василий прилагает агиографический цикл, в который входит Житие Анны, Повесть о ее явлении пономарю Герасиму, Сказание об обретении мощей, Слово о перенесении мощей, Повесть о чудесах и сами Чудеса. Причем Житие, Повесть о явлении Анны Герасиму, Сказание об обретении мощей были написаны на Соловках; Слово о перенесении мощей написал Василий младший, а Повесть о чудесах — его брат Никифор, судя по всему, незадолго до послания к царю⁷. Для истории трансформации культа Анны Кашинской особенно важно Слово о перенесении мощей, в котором события 12 июня 1650 г. изложены несколько иначе, нежели об этом было рассказано московским автором по свежим следам.

В этом Слове появилось чудо: «И якоже дойде великий государь царь и преосвященный митрополитъ съ мощми преподобныя въ паперть соборныя церкви, и абие гробъ блаженныя показася отягченъ, и не можаху прочее нести въ церковь. И се Богу являющу, яко не в той церкви положеннымъ быти мощемъ ея, но идъже изволилъ Господь въначалъ погребеннымъ быти и обретеннымъ мощемъ ея, въ дому Матере Своя, тамо и пребудутъ вовъки въковъ. Великий же государь царь, видя сия, и помышляше, яко не хоцеть преподобная въ соборной церкви положена быти, и моляше Бога въ себъ, яко да изволитъ ей на время въ той церкви положеннѣй быти, дондеже воздвигнется храмъ прекрасенъ во имя Пресвятыя Богородицы и Его угодницы преподобныя и великия княгини Анны. И абие подадъся имъ святая, яко да внѣсше въ церковь и положити мощи ея. И сему бывшу — внѣсше гробъ блаженныя съ мощми въ соборную церковь Воскресения Христова, и поставиша его на правой сторонѣ у столпа» [Круг, с. 477].

Об этом чуде не говорилось ни слова в раннем Сказании об обретении и перенесении мощей. Вряд ли свидетель происходившего, писавший для тех, кто также при всем этом присутствовал, умолчал бы о таком событии, если

⁶ Письмо опубликовано: [Житие, с. II–III; Семячко 1999, с. 230].

⁷ Подробно об этом см.: [Семячко 1999].

бы оно на самом деле имело место. Василий третий этого раннего Сказания не знал. Осев на женской половине царского дворца, оно, судя по всему, не переписывалось и не распространялось. Сколько лет самому младшему Василию было в 1650 г. и в какой мере он участвовал в перенесении мощей, трудно сказать. Его брат Никифор был к тому времени достаточно взрослым, чтобы отправиться спустя два года на Соловки. Откуда же Василий младший взял рассказ об этом чуде? Скорее всего, он родился под его пером, чтобы подкрепить просьбу о новом перенесении мощей; просьбу, обращенную, кстати, к человеку, который не принимал участия в событиях 1650 г. Этот момент следует отметить особо, поскольку со стороны организаторов почитания благоверной княгини был допущен сознательный вымысел.

Судя по всему, именно поэтому о чуде с гробом ни слова не было сказано на следствии. Василий-Варлаам свидетельствовал «по евангелской заповѣди Господни»⁸, то есть поклявшись на Евангелии: «А в пренесение гроб с мощми великий государь нес самъ на рамах своихъ з бояры. А несли тот каменной гроб с мощми на деревянном одре, и тот одръ и ныне в целости. И во время пренесения было от гроба великие княгини Анны исцеление кашинского губного старосты Петра Скобѣева снохѣ ево Анне от бесноватые болѣзни»⁹. Василий-Варлаам говорит о чуде исцеления, совершившемся при перенесении мощей, но не говорит о чуде остановки гроба перед внесением в Воскресенский собор, что надо понимать как тот факт, что такого чуда не было. И чудо с остановившимся гробом — это не единственное дополнение, которое приобрел культ Анны Кашинской на протяжении третьей четверти XVII в.

Реакция на прошение, посланное царю Феодору Алексеевичу, была совершенно неожиданной: было назначено новое следствие, подразумевающее экспертизу Жития княгини-инокини и новое освидетельствование ее мощей, несмотря на то что в 1649 г. было проведено их полноценное обследование авторитетной церковной комиссией, а непосредственное участие царя Алексея Михайловича в перенесении мощей 12 июня 1650 г., казалось бы, должно было поставить точку в вопросе о почитании благоверной княгини. Что произошло между 1650 и 1677 гг., когда развернулось новое следствие? Ответ очевиден — церковный раскол. Однако никакие тексты, привлеченные к следствию (а это был присланный Василием младшим агиографический цикл), не давали оснований к тому, чтобы использовать культ княгини Анны в пользу или против церковной реформы. Все так называемые

⁸ Погод. 1608, л. 10.

⁹ Там же, л. 14 об.

«несоответствия» в Житии Анны Кашинской, обнаруженные следствием и зафиксированные в соборном определении 1677 г., касались фактической стороны текста: происхождения Анны, отдельных дат ее биографии, подробностей гибели ее мужа, князя Михаила Ярославича¹⁰. Но много ли русских житий выдержит проверку на историческую достоверность? Чудеса благоверной княгини были подтверждены на следствии клявшимися на Евангелии непосредственными реципиентами этих чудотворений или их родственниками (в том случае, когда героев чудес уже не было в живых)¹¹. Единственное расхождение между чудесами, приписанными к Житию, и расспросными речами касалось того, где совершилось то или иное чудо — в Успенской церкви или в Воскресенском соборе. И лишь один человек «Кашина города посацкого человекъ Ивановъ сынъ Потребова Петрушка сказалъ (...) еже (...) матери, де, ево Евдокѣе розслабления болѣзнь была ль и у гроба исцеление было ль или нѣтъ, того он не вѣдает, для того что остался после смерти матери своей на четвертом году, а от людей про то не слышал»¹². Очевидно, что не результаты проверки Жития и чудес были причиной недоверия к новоявленной святой; скорее, проверка была его следствием. Недоверие же было вызвано некими слухами, некими разговорами по поводу десницы благоверной княгини.

О том, какого рода были эти разговоры, мы узнаем из соборного определения 1677 г.:

«10 несогласие:

По скаске попа Василиа и отца его старца Варлама написано: рука правая лежитъ на персехъ согбенна, яко благословящая. А по нынѣшнему архиерейскому досмотру — правая рука в завитии погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящими.

11 несогласие:

В допросныхъ рѣчахъ попа Василиа написано: андроньевской архимандритъ Силвестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ. А старецъ Варламъ, отецъ его, сказал: архимандритъ, де, Силвестръ княгини Анны руки персты разгибалъ, а какъ отпустилъ, и они также согбенны учинилися по-прежнему. И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ»¹³.

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Семячко 1998].

¹¹ Сопоставление чудес, вошедших в состав агиографического цикла, с материалами следственного дела см.: [Круг, с. 654–657].

¹² Погод. 1608, л. 20–20 об.; [Круг, с. 655].

¹³ Погод. 1608, л. 3 об.

Это очень важная часть соборного определения. Оказывается, на следствии и Василий-Варлаам, и его сын Василий утверждали, что правая рука княгини Анны демонстрировала двуперстие. Более того, Василий-Варлаам делал упор на чудо: по его словам, насильно распрямленные пальцы княгини тут же складывались по-прежнему, как бы тем самым утверждая, что двуперстие явлено свыше.

В соборном определении сказано, что результаты первого досмотра мощей найти не удалось. Но мы знаем о существовании Сказания об обретении и перенесении мощей, написанного где-то между 1650 и 1652 гг., автор которого ничего не говорит о благословляющем жесте княгини. Вряд ли он пропустил бы такую яркую деталь, которая в то время не имела никакой идеологической нагрузки. Представители официальной Церкви — участники собора и те, кто проводил следствие, — не знали о существовании этого Сказания и никак не использовали его, хотя оно явно свидетельствовало в их пользу. Не знали об этом тексте и в Кашине.

Очевидно, что легенда о благословляющей деснице Анны Кашинской сложилась в устной среде. Она не имела никакого визуального подкрепления: руку княгини между двумя следствиями никто не видел. Гроб ее был закрыт, его открывали только в 1649 и в 1676 гг. Легенда подпитывалась неприятием церковных реформ и желанием найти себе в этом небесного заступника.

Можно думать, что возникла легенда уже в первые годы после раскола. Косвенным свидетельством этого служит надгробный покров 50-х гг. XVII в. [Силкин], на котором княгиня Анна изображена с благословляющей десницей¹⁴. Связь этого изображения с легендой была вполне очевидна современникам. Поэтому была предпринята попытка покров «исправить», нашив на двуперстие троеперстие¹⁵.

Подобная история разворачивалась в то же время на Севере. В 1647 г. в Архангельске при земляных работах был обнаружен неизвестный гроб. Покоящийся в нем в видении объявил свое имя и назвался Евфимием. В отличие от случая с Анной Кашинской, где было одно видение (пономарю Герасиму), один вариант имени (Анна) и один вариант социального статуса (княгиня, ставшая схимонахиней), новоявленный архангелогородский святой объявлял свое имя разным людям по-разному и предстал перед ними

¹⁴ Воспроизведение покрыва см.: [Русский исторический портрет, кат. 21, с. 92–93; Юхименко 2012, с. 192].

¹⁵ Попытка «исправления» и ее разоблачение подробно описаны: [Юхименко 2016, с. 564]. Сердечно благодарю Е. М. Юхименко, обратившую мое внимание на эту историю.

в видениях в разном облике. Так, некая жена Федора увидела его в мирском одеянии («...срачица на немъ повыше колена да порты»), и назвался он Естифеем Нифонтовым [Крушельницкая, с. 130–131]. Стрельцу Игнатию Васильеву явился человек, «иноческое одеяние имеа» [Там же, с. 136], а Козьма Игнатъев четко услышал имя Евфимий [Там же, с. 137].

Ни при обретении гроба, ни при перенесении его не открывали. Вот как описывает перенесение мощей единственный источник сведений об этих событиях, Сказание о явлении и чудесах Евфимия Архангелогородского: «И перенесенъ тотъ гробъ с того места к церкви Произхождения Честнаго Креста Господня того же 155-го году (1647) июля въ 9 день. И какъ начали розгребать то место, где честный гробъ лежал, и розгребли земли с того гроба до верхней доски с поларшина, в том же гной и соръ великий, и наполнена яма вся воды, еже верхней доски гроба того покрыватися водою. Гробъ же бе в сосновыхъ досках учиненъ, верхняя доска снарвлена нетолста, а отнюдь нигде не погнила, бела вельми, хождаше же по ней людие нужды ради, выимающе гробъ той, и не проломилася. Егда же бысть выняту гробу ис тое тины, то множество из него воды текуще. И егда же уготованне бысть яме у церкви у Произхождения Честнаго Креста Господня, идеже положену быти тому гробу честному, и строиницы той яме поведаша, яко не могуще глубоко копати, вода бо явися. И бысть перенесену тому честному гробу к той яме, и воды не бысть в ней, и погребоша то преподобнаго тело» [Крушельницкая, с. 127–128].

При перенесении мощей была установлена лишь нетленность верхней крышки гроба, при том что гроб находился все время в воде и тине и, когда его поднимали, из него потоком лилась вода. Дополнительным свидетельством того, что никто не видел в это время самих мощей святого, являются упомянутые выше видения, случившиеся уже после перенесения гроба, в которых святой являлся то в мирском облике, то в иноческом.

В 1650 г. Никон, бывший в то время новгородским митрополитом, повелел игумену Антониево-Сийского монастыря Феодосию освидетельствовать мощи новоявленного святого и провести расследование о чудесах. Эта грамота Никона, как представляется, не сохранилась. Во всяком случае, исследователям не известно о ее местонахождении¹⁶. О том, что она была «о объявившихся мощахъ въ г. Архангельскѣ Евфимия, игумена Архангель-

¹⁶ Актовый материал Антониево-Сийского монастыря сосредоточен в двух архивных фондах: СПбИИ РАН, ф. 5, и РГАДА, ф. 1196 [Харитонов]. Грамот, о которых пойдет речь, в них нет. Исследователи опираются на работу [Макарий], в которой названы акты, связанные с почитанием Евфимия Архангелогородского, и пересказана грамота Афанасия Холмогорского от 25 июля 1683 г.

скаго монастыря, и объ изслѣдовании оныхъ» [Макарий, с. 69]¹⁷, мы узнаем из грамоты Афанасия Холмогорского от 25 июля 1683 г. тому же антониево-сийскому игумену Феодосию. Архиепископ Афанасий полагает, что это «исследование» было проведено: «...въ городѣ свидѣтельствовал ты, игумень, и переносилъ кости Преподобнаго Евфимия, и образъ велѣлъ писать...» [Макарий, с. 69]. Никаких свидетельств об освидетельствовании мощей у нас нет; вполне возможно, святость Евфимия Архангелогородского была установлена исключительно на основе записей чудес и присоединенных к этим записям расспросных речей участников обретения мощей¹⁸. Не позднее 9 июля 1651 г. состоялось перенесение мощей преподобного Евфимия в церковь Происхождения Честных Древ Креста Господня, при которой и велись записи чудес [Рыжова, с. 379].

Как и в случае с Анной Кашиной, почитание Евфимия Архангелогородского делится на два периода — дораскольный и пореформенный. Если до раскола почитание Евфимия Архангелогородского ни у кого особых возражений не вызывало, то в 1683 г. оно было поставлено под сомнение архиепископом Афанасием Холмогорским.

Восстановить эту историю помогает все та же грамота Афанасия от 25 июля: «...нынѣ мы, Преосвященный Архиепископъ, быхомъ у Архангельскаго города и видѣхомъ гробъ его и писанные на доскахъ образы его, а достовѣрнаго свидѣтельства объ немъ, Евфимии, не видихомъ, по какому указу свидѣльствованъ и какъ повелѣно образъ его писати» [Макарий, с. 69]. Получается, что о грамоте Никона Афанасий знал со слов игумена Феодосия, но самой этой грамоты не видел. Заканчивалось послание архиепископа Афанасия обращенным к Феодосию требованием: «И какъ къ тебѣ ся наша, преосвященнаго Архиепископа, грамота придетъ, и ты бѣ Преосвященнаго Митрополита грамоты и свидѣтельство о преподобномъ Евфимии, и все подлинное объ немъ писание прислалъ къ намъ, Преосвященному Архиепископу, въ Холмогоры съ своимъ монастырскимъ нарошнымъ человѣкомъ,

¹⁷ Здесь и далее при цитировании я добавляю недостающие знаки препинания.

¹⁸ Сохранилось свидетельство о выступлении 24 апреля 1895 г. на заседании ОИДР студента Санкт-Петербургской духовной академии А. Кононова (ставшего монахом под именем Никодим, впоследствии — епископом Белгородским, и принявшего мученическую кончину) с предложением издать канонизационное дело Евфимия Архангелогородского [Протоколы, с. 22]. Поскольку оно так и не было издано, исследователи задавались вопросом, что же входило в его состав. По мнению Е. А. Рыжовой, в распоряжении А. Кононова были рукопись 1829 г. БАН, Архангельское собр. Д, № 509, с одним из вариантов Сказания о чудесах Евфимия Архангелогородского и акты документы [Рыжова, с. 379]. У нас нет никаких свидетельств, что в составе этого дела были какие-либо документы об открытии гроба преподобного и об освидетельствовании его мощей.

и велѣль подать намъ, Преосвященному Архиепископу, въ Крестовой» [Макарий, с. 69–70].

Продолжение этой истории оказалось во власти исследовательских толкований. Е. Е. Голубинский заметил: «Чем кончилось дело, остается неизвестным» [Голубинский, с. 579]. Параллельно в историографии укрепилось мнение о запрещении Афанасием Холмогорским почитания преподобного Евфимия. Никакого документа на этот счет обнаружено не было, но неизвестный автор «Краткого исторического описания монастырей Архангельской епархии» отметил: «В скором времени церковь Происхождения Честного Креста перестроена была в однопрестольную, и мощи преподобного, как надо полагать, были сокрыты в земле, так как в следующем 1684 году „решетка от гроба Евфимиева“ находилась уже в Холмогорском архиерейском доме» [Краткое историческое описание, с. 265]. Исчезновение значимых внешних атрибутов культа автор «Описания...» счел указанием на запрет почитания. Напомнив об истории с Анной Кашинской, он предположил: «Нечто подобное думаем мы усматривать и в действиях архиепископа Афанасия по отношению к канонизации преподоб. Евфимия» [Краткое историческое описание, с. 266]. Можно сказать, что эта точка зрения стала приоритетной в науке [Крушельницкая, с. 102–103; Рыжова, с. 380; Кольцова 2009, с. 127]. Как кажется, лишь А. А. Панченко счел определяющим фактором недообследованность мощей Евфимия Архангелогородского и приверженность Афанасия Холмогорского «соборному постановлению о „несвидетельствованных телах“» [Панченко, с. 123]¹⁹.

Однако у автора «Краткого исторического описания...» были свои резоны. Он обратил внимание не только на исчезновение внешних атрибутов культа преподобного Евфимия, но и на иконографию святого. Вот как характеризует этот автор изображение Евфимия Архангелогородского на «древней»²⁰ иконе: «...правая рука его простертая, несколько отклоненная в сторону (в молитвенном положении, а не для благословения) имеет двуперстное сложение, а левая держит и жезл игуменский, и свиток. В таком изображении нельзя не видеть тенденциозного намерения иконописца изобразить прославленного угодника времени патр. Иосифа: очевидно, естественнее было изобразить святого настоятеля монастыря с жезлом в одной руке и свитком — в другой, между тем удержав эти два иконописные атрибута преподобного в левой руке (что совсем неудобно), правую, приподнятую

¹⁹ Судя по всему, А. А. Панченко имеет в виду постановление Большого московского собора 1666–1667 гг., см.: [Голубинский, с. 285].

²⁰ «Эта икона письма древнего, и оборотная сторона ее обложена уже изветшавшим и протершимся по углам от времени холстом...» [Краткое историческое описание, с. 266–267].

вверх, в отклоненном положении изобразил так, что трудно понять — молитвенное положение руки он имел в виду или для благословения: но изображение говорит более в пользу первого» [Краткое историческое описание, с. 267]. Автор этого описания справедливо отметил, что, судя по сохранившимся свидетельствам, и архиепископа Афанасия смутило это изображение. Автор обращает внимание на фрагмент грамоты Афанасия Холмогорского: «...видѣхомъ гробъ его и писанные на доскахъ образы его, а достовѣрнаго свидѣтельства о немъ, Евфимии, не видѣхомъ, по какому указу свидѣльствованъ и какъ повелѣно образъ его писати» [Макарий, с. 69; Краткое историческое описание, с. 266].

Т. М. Кольцова датирует наиболее ранний сохранившийся образ Евфимия Архангелогородского²¹, о котором, судя по всему, и вел речь безымянный автор «Краткого исторического описания», концом XVII — началом XVIII в. [Кольцова 2009, с. 129], полагая, что ему предшествовал какой-то другой, возможно, написанный самим антониево-сийским игуменом Феодосием [Кольцова 2009, с. 128]. У нас нет никаких доказательств авторства Феодосия. Во всяком случае, Афанасий Холмогорский требовал у него разъяснения обстоятельств написания иконы как у ее заказчика. Не имеем мы и доказательств создания иконы в Антониево-Сийском монастыре. Феодосий вполне мог заказать ее в Архангельске, в месте почитания преподобного Евфимия. Важно другое: Афанасий видел икону, которая его смутила; именно поэтому он стал задавать вопросы. Если сохранившемуся образу предшествовал какой-то иной, то и на нем, скорее всего, было изображено двуперстие²², которое воспринималось как демонстративное.

Архиепископа Афанасия интересовало, «какъ повелѣно образъ его писати» [Макарий, с. 69]. Казалось бы, вопрос образцов в данном случае не представляет особой сложности. Немало русских святых изображены на иконах в сходной позе с воздетой благословляющей десницей [Маркелов, № 22, 149, 150, 157, 235, 236—238, 264, 267—269 и др.]. Среди них, кстати, есть и Антоний Сийский [Маркелов, № 39, 40]. Судя по всему, все сводится к тому, в какое время и в какой ситуации создается икона. Двуперстие на иконе преподобного Евфимия воспринимается как демонстрация приверженности старой вере. На той иконе, которая дошла до нас и хранится сей-

²¹ Икона опубликована: [Кольцова 2009, с. 129]; в сильно уменьшенном виде: [Рыжова, с. 378].

²² Изображение Евфимия Архангелогородского с таким положением правой руки было закреплено в Сводном иконописном подлиннике: «...правая рука аки благословенна, а в левой свиток и клюка...» [Сводный иконописный подлинник, с. 43; Кольцова 2009, с. 129].

час в АОММИ, остались следы, что первоначальное двуперстие на каком-то этапе пытались «подредактировать», превратив в троеперстие²³.

Традиция изображать Евфимия Архангелогородского с двуперстным сложением десницы получила свое развитие в старообрядческой среде. Выговский иконописец Алексей Денисов в XVIII в., подписывая свою икону, подчеркнул: «Сей убо с(вя)тый ненавидимъ бысть отъ лютаго гонителя истинныя веры Офонася. Понеже почивахъ мощи его с двуперстиемъ честнымъ» [Кольцова 2009, с. 130]. Таким образом, в это время в старообрядческой среде бытует устойчивое представление о том, что во гробе святой покоится с десницей, являющей двуперстие. Однако мы не имеем свидетельств, что гроб когда-либо открывали. Обстоятельства его извлечения из земли (из гроба потоком текла вода) говорят, скорее, что такое было невозможно. Судя по всему, представления о деснице святого имеют легендарный характер. Вопрос заключается в том, легенда ли породила первоначальный иконный образ или икона породила легенду.

На настоящий момент запись Алексея Денисова является наиболее ранним свидетельством существования этой легенды. Однако, скорее всего, и легенда, и икона с демонстративным двуперстием существовали уже в то время, когда архиепископ Афанасий Холмогорский посетил место погребения Евфимия Архангелогородского. Весьма вероятно, что икона, заказанная в 1650 г., была закончена, когда о никоновских нововведениях уже стало известно, причем написана человеком, эти нововведения не приемлющим. И икона, и легенда (вопрос — в какой последовательности) были созданы усилиями тех, кто не принял новые церковные порядки (а на Русском Севере их было немало).

И в случае с Евфимием Архангелогородским, и в случае с Анной Кашинской легенда о святом, десница которого являет двуперстие, формируется в устной среде. Легенда о деснице Анны Кашинской имеет под собой основанием воспоминания о неправильном положении ее правой руки во гробе. Что же касается преподобного Евфимия, то если легенда не порождена иконой, то она ею подкрепляется. Очевидно, что приверженцы старой веры стремятся найти себе опору, ссылаясь на авторитет новоявленных святых. Ведь получается, что они явились фактически перед самой реформой, чтобы продемонстрировать истинное перстосложение.

Тот факт, что это были новоявленные святые, как представляется, имеет принципиальное значение. Известен случай почитания святого, при от-

²³ Эти сведения сообщены мне в частной беседе Т. М. Кольцовой, которой я искренне признательна за консультации.

крытии мощей которого обнаружилось, что левая рука его — «благословенная»²⁴. Речь идет об Иакове Боровицком, явление гроба которого случилось в конце XV или в начале XVI в., а освидетельствование мощей — в 1544 г. Это двуперстие несколько не смущало представителей официальной Церкви. Более того, в 1657 г. мощи Иакова Боровицкого были перенесены патриархом Никоном в построенный им Иверский монастырь [Голубинский, с. 87–89, 113–114; Барсуков, стб. 235; Панченко, с. 103–106].

Казалось бы, в данном случае есть визуальное подтверждение, что пальцы левой руки праведного Иакова являют двуперстие, и есть документ, зафиксировавший этот факт. Но и сами мощи, и их описание оказываются вне среды, где был бы актуален рассказ об этом. С момента обследования мощей до церковной реформы проходит более века. В течение этого века положение пальцев левой руки святого никак не обсуждается, и к тому времени, когда этот факт становится актуальным, о нем уже мало кто помнит.

Вторая половина XVII — начало XVIII в., ранний период противостояния старообрядцев официальной Церкви, — это то время, когда казалось, что еще можно доказать свою правоту, особенно если опереться на пример старинных святых. Старообрядец Иоанн Лукьянов, в самом начале XVIII в. отправившийся в паломничество по святым местам, посетил киевские пещеры и так высказался о мощах некоторых печерских подвижников: «Видѣхом храбраго воина Илию Муромца (...) ...правая ево рука изображена крестным знамениемъ и сложениемъ персть, какъ свидѣтельствуетъ Феодоритъ Блаженный и Максимъ Грекъ, крестился онъ двумя персты — тако тѣпереве ясно и по смерти ево плоть мертвая свидѣтельствуеть на обличение противниковъ. И тутъ, в той же пещере, преподобный Иосифъ такое же изображение в перстахъ имать. Что уже болѣ того свидѣтельства, что нагия кости свидѣтельствують?! Мы уже и кои с нами были достовѣрно досматривали сами и дерзнули: поднимали ихъ руки и смотрили, что сложение перстовъ — два перста и разгнуть нельзя, разве отломить, когда хочетъ кто разгнуть» [Хождение, с. 19]²⁵.

Но пример подвижников прежних эпох «работал» в данном случае менее эффективно, чем примеры новоявленных святых, ибо имело значение само их явление непосредственно перед реформой. Однако такие культы новоявленных святых были не только актуальными, но и очень уязвимыми. Если культ получал нежелательное наполнение, на раннем этапе можно было попытаться приостановить почитание. И в случае с Анной Кашинской

²⁴ РГБ, ф. 304.1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры), № 654, л. 83 об. По счастью, результаты обследования мощей Иакова Боровицкого, проводившегося в 1544 г., были подробно описаны и сохранились в списке XVI в.

²⁵ Благодарю Н. Г. Комелину, обратившую мое внимание на этот эпизод.

(в 1677 г.), и в случае с Евфимием Архангелогородским (в 1683 г.) официальная Церковь наложила запрет на их почитание²⁶. Очевидно, второй запрет следует поставить в зависимость от первого, поскольку Афанасий Холмогорский не мог не знать о соборных решениях в отношении Анны Кашинской.

В борьбе со старообрядцами официальная церковь подвергала гонениям не только отдельных людей, но и отдельных святых²⁷. И Анна Кашинская, и Евфимий Архангелогородский были уязвимы, потому что они были новоявленными святыми. Само их явление прямо перед церковной реформой могло при определенных условиях восприниматься как знак предостережения по отношению к реформаторам и как знак поддержки свыше для сторонников старой веры. Впрочем, тексты, дошедшие до нас от дореформенного времени, показывают, что оснований для такого восприятия изначально не было,

²⁶ В случае с Анной Кашинской ситуацию усугубляло и явное неприятие участниками собора, который наложил запрет, личности автора Жития благоверной княгини. Дьякон Никифор на следствии называл конкретного человека, он утверждал, что Житие «слогал и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей». В то время как в соборном определении это имя не называется: «В скаскѣ Никифора, Варламова сына, написано: Житие, де, благовѣрныхъ княгини Анны писано в Соловецкомъ монастырѣ из Степенныя книги и по ево, Никифоровым, словамъ, в то время, какъ бывшій Никонъ патриархъ ходилъ в Соловецкой монастырь по мощи святаго Филиппа митрополита. А в Степенной книге и в лѣтописныхъ про житие благовѣрныхъ княгини тако не обрѣтается, а его, Никифоровымъ, баснемъ вѣрити нѣчему» (Погод. 1608, л. 4–4 об.). В соборном определении упор делается на несоответствии Жития летописям и Степенной книге и при этом все сводится к «Никифоровым басням». Но что подразумевается под «Никифоровыми баснями»? Та информация, которую Никифор предоставил автору Жития Игнатию, или рассказ Никифора об обстоятельствах написания Жития? В середине XVII в. в Соловецком монастыре было два Игнатия, имевших очевидную склонность к литературному творчеству: дьякон Игнатий, автор «Книги о титле на Кресте Христовом» и челобитной царю Феодору Алексеевичу, и его старший товарищ уставщик Игнатий, автор челобитной царю Алексею Михайловичу [Панченко, Юхименко]. Однако ни тот ни другой церковному собору не могли нравиться: оба Игнатия были приверженцами старой веры и ее активными проповедниками. После собора пройдет 10 лет, и младший Игнатий, ставший одним из лидеров движения самосожженцев, погибнет вместе с более чем двумя с половиной тысячами своих последователей, пожалуй, в самой страшной гари в Палеостровском монастыре. Житие Анны Кашинской написал, скорее всего, старший Игнатий, Игнатий-уставщик. С каким из двух Игнатиев связывали Житие княгини на церковном соборе, сказать невозможно. Однако само упоминание на следствии дьяконом Никифором имени Игнатий должно было заставить перетряхнуть Житие до последнего слова, что и было сделано, несмотря на то что это дореформенный текст, никакой угрозы для церковной реформы не представлявший.

²⁷ Этого, кстати, не произошло с преподобным Евфросином Псковским, проповедовавшим в свое время сугубую аллилуйю (см., например, «Повесть об аллилуйе» [Охотникова, с. 10–103]). К началу никоновских реформ почитанию Евфросина было уже более ста лет, и даже если учение Евфросина противоречило официальной точке зрения, отменить эту традицию вряд ли было возможно. Тот же собор, который наложил запрет на почитание Анны Кашинской, по поводу Евфросина Псковского высказался так: «И сие смущение (...) не отъ Евфросина стало, но отъ писателя Евфросинова Жития диавольским навѣтомъ» [Семячко 1998, с. 149].

а легенды о благословляющей деснице сформировались в устном обиходе на начальном этапе сопротивления церковной реформе.

Литература

- Барсуков — *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. XII с., 616 стб.
- Голубинский — *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М.: Университетская тип., 1903; То же [репринт. изд.]: М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1998. 597 с.
- Житие — Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. (с предисловием Ан. Титова). [Б. м.], [1909].
- Кольцова 2008 — *Кольцова Т. М.* Евфимий (...) Архангелогородский: Иконография // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 380–381.
- Кольцова 2009 — *Кольцова Т. М.* Искусство Холмогор XVI–XVIII веков. М.: Северный паломник, 2009. 648 с.
- Краткое историческое описание — Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск: Изд. Арханг. епарх. церк.-археол. комис., 1902. 592 с.
- Круг — Круг произведений, посвященных Анне Кашинской: Служба Анне Кашинской, Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской, Агиографический цикл, посвященный Анне Кашинской / Подгот. текста и коммент. С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2013. Т. 17. С. 427–496, 643–657.
- Крушельницкая — *Крушельницкая Е. В.* Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб.: Изд-во РНБ, 1997. Вып. 4. С. 96–144.
- Лебедева — Библиотека Петра I: Описание рукописных книг / Авт.-сост. И. Н. Лебедева. СПб.: БАН, 2003. 432 с.
- Макарий — *Макарий (Мирлобов), еп.* Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // ЧОИДР. М.: Университетская тип., 1878. Кн. 3. С. 1–122.
- Маркелов — *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. 1: Святые Древней Руси в прорисях и переводах с икон XV–XIX веков: Атлас изображений. 636 с.
- Охотникова — *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 2. 772 с.
- Панченко — *Панченко А. А.* Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 443 с.
- Панченко, Юхименко — *Панченко О. В., Юхименко Е. М.* Уставщик Игнатий, деятель раннего периода старообрядчества // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. Т. 21. С. 115–117.
- Паченков — *Паченков О. В.* «Обретение и перенесение честных мощей новоявленная великия княгини инокини Анны» как исторический источник // Опыты

- по источниковедению: Древнерусская книжность: Сборник статей в честь В. К. Зиборова. СПб.: Наука, 1997. С. 43–49.
- Протоколы — Протоколы заседаний Императорского Общества истории и древностей российской при Московском Университете за 1895-й год // ЧОИДР. М.: Университетская тип., 1896. Кн. 4. С. 1–46.
- Русский исторический портрет — Русский исторический портрет: Эпоха парсуны. М.: Художник и книга, 2004. 280 с.
- Рыжова — Рыжова Е. А. Евфимий (...) Архангелогородский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 378–380.
- Сводный иконописный подлинник — Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1874. 435 с.
- Семячко 1997 — Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. I. Сказание об обретении и перенесении мощей // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т. 50. С. 531–536.
- Семячко 1998 — Семячко С. А. Почитание Анны Кашинской и агиографические памятники, ей посвященные // Русская литература. 1998. № 3. С. 147–154.
- Семячко 1999 — Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 221–231.
- Силкин — Силкин А. В. Покров на раку «Благодарная княгиня Анна Кашинская» из собрания ГИМ: Проблемы атрибуции // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны. М.: ГИМ, 2006. С. 23–37. (Труды ГИМ; Вып. 155).
- Харитоновна — Харитоновна Я. Э. История архива Антониево-Сийского монастыря // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 12–16.
- Хождение — Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1701–1703 / Изд. подгот Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М.: Наука, 2008. 668 с. (Лит. памятники).
- Юхименко 2012 — Юхименко Е. М., Горшкова В. В. «Иконы все самые пречудные, письма самого искусного»: Собрание Григория Лепса. М.: [б. и.], 2012. 472 с.
- Юхименко 2016 — Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М.: Криница, 2016. 852 с.

References

- Barsukov, N. P. (1882). *Istochniki russkoi agiografii*. St. Petersburg, 616 p.
- Golubinskii, E. (1903). *Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoi tserkvi*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (reprint: Moscow: Krutitskoe patriarshee podvor'e; Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 1998). 597 p.
- Kharitonova, Ya. E. (2014). 'Istoriya arkhiva Antonievo-Siiskogo monastyrya', *Otechestvennye arkhivy*, 4, 12–16.
- Kol'tsova, T. M. (2008). 'Evfimii (...) Arkhangelogorodskii: Ikonografiya', in: *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya entsiklopediya". Vol. 17, 380–381.
- Kol'tsova, T. M. (2009). *Iskusstvo Kholmogor XVI–XVIII vekov*. Moscow: Severnyi palomnik, 648 p.
- Kratkoe istoricheskoe opisanie monastyrei Arkhangel'skoi eparkhii* (1902). Arkhangel'sk: Izdanie Arkhangel'skoi eparkhial'noi tserkovno-arkheologicheskoi komissii. 592 p.

- Krushel'nitskaya, E. V. (1997). 'Skazanie o Evfimii Arkhangelogorodskom', in: *Rukopisnye pamyatniki: Publikatsii i issledovaniya*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. Vol. 4, 96–144.
- Lebedeva, I. N. (2003). *Biblioteka Petra I: Opisanie rukopisnykh knig*. St. Petersburg: Biblioteka Akademii nauk. 432 p.
- Makarii (Mirolyubov), ep. (1878). 'Istoricheskie svedeniya ob Antonievom Siiskom monastyre', in: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*, Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 3, 1–122.
- Markelov, G. V. (1998). *Svyatye Drevnei Rusi: Materialy po ikonografii (prorisi, perevody, ikonopisnye podlinniki)*. Vol. 1: Svyatye Drevnei Rusi v prorisyakh i perevodakh s ikon XV–XIX vekov: Atlas izobrazhenii. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 636 p.
- Okhotnikova, V. I. (2007). *Pskovskaya agiografiya XIV–XVII vekov: Issledovaniya i teksty*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 2. 772 p.
- Ol'shevskaya, L. A., Reshetova, A. A., Travnikov, S. N., eds. (2008). *Khozhdenie v Svyatuyu zemlyu moskovskogo svyashchennika Ioanna Luk'yanova, 1701–1703*. Moscow: Nauka. 668 p.
- Pachenkov, O. V. (1997). 'Obretenie i perenesenie chestnykh moshchei novoyavlennoy velikiya knyagini inokini Anny kak istoricheskii istochnik', in: *Opyty po istochnikovedeniyu: Drevnerusskaya knizhnost': Sbornik statei v chest' V. K. Ziborova*. St. Petersburg: Nauka, 43–49.
- Panchenko, A. A. (2012). *Ivan i Yakov — neobychnnye svyatye iz bolotistoi mestnosti: "Krest'yanskaya agiologiya" i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 443 p.
- Panchenko, O. V., Yukhimenko E. M. (2009). 'Ustavshchik Ignatii, deyatel' rannego perioda staroobryadchestva', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 21, 115–117.
- 'Protokoly zasedanii Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete za 1895 god' (1896), in: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 4, 1–46.
- Russkii istoricheskii portret: Epokha parsuny* (2004). Moscow: Khudozhnik i kniga. 280 p.
- Ryzhova, E. A. (2008). 'Evfimii (...) Arkhangelogorodskii', in: *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 17, 378–380.
- Semiachko, S. A. (1997). 'Krug agiograficheskikh pamyatnikov, posvyashchennykh Anne Kashinskoi. I. Skazanie ob obretenii i perenesenii moshchei', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 50, 531–536.
- Semiachko, S. A. (1999). 'Krug agiograficheskikh pamyatnikov, posvyashchennykh Anne Kashinskoi. II. Agiograficheskii tsikl', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 51, 221–231.
- Semiachko, S. A., ed. (2013). 'Krug proizvedenii, posvyashchennykh Anne Kashinskoi: Sluzhba Anne Kashinskoi, Skazanie ob obretenii i perenesenii moshchei Anny Kashinskoi, Agiograficheskii tsikl, posvyashchennyi Anne Kashinskoi', in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 17, 427–496, 643–657.
- Semiachko, S. A. (1998). 'Pochitanie Anny Kashinskoi i agiograficheskie pamyatniki, ei posvyashchennyye', *Russkaya literatura*, 3, 147–154.
- Silkin, A. V. (2006). 'Pokrov na raku "Blagovernaya knyaginya Anna Kashinskaya" iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: Problemy atributsii', in: *Russkii*

«...Рука правая лежит на персеях согбенна, яко благословящая...»

istoricheskii portret: Epokha parsuny, Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzey, 23–37. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya; Vol. 155).

Svodnyi ikonopisnyi podlinnik XVIII veka po spisku g. Filimonova (1874). Moscow: Universitetskaya tipografiya. 435 p.

Titov, A. ([1909]). *Zhitie Anny Kashinskoi po Sinodal'noi rukopisi XVII v.* [s. l.].

Yukhimenko, E. M. (2016). *Starobryadchestvo: Istoriya i kul'tura*. Moscow: Krinitsa. 851 p.

Yukhimenko, E. M., Gorshkova, V. V. (2012). «*Ikony vse samye prechudnye, pis'ma samogo iskusnogo*»: *Sobranie Grigoriya Lepsa*. Moscow: [s. n.]. 472 p.